

УДК 343.23(045)

*Г.А. Решетникова***ЗНАЧЕНИЕ СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ**

В УК РФ 1996 г. впервые появилась классификация преступлений по их категориям. Без преувеличения можно сказать, что вряд ли еще какое-нибудь понятие уголовного права имеет такой масштаб практического значения, которое имеют категории преступлений. С теоретической точки зрения категоризация преступлений, предусмотренная в ст. 15 УК РФ, явилась некоторым итогом, результатом всего предшествующего развития уголовного права, показав общую картину состояния науки уголовного права в целом и ее частей. В наши дни среди современных исследователей все чаще высказываются критические замечания в части использованных законодателем критериев для названной классификации. В научной статье предпринята попытка с помощью сущности категории «общественная опасность деяния» разобраться в правильности этого выбора. Для исследования сущности категории «общественная опасность деяния» были использованы инструментальные возможности теории общественного договора. Исходя из того, что законченность и безупречность любой классификации зависит от выбранного правильно критерия классификации, проведенное исследование позволило прийти к следующему выводу: характер и степень общественной опасности деяния являются теми критериями, которые способны показать внутренние, сущностные закономерности уголовно-правовой действительности, представить в удобном для обозрения и распознавания виде всю эту область, заключая в себе предельно полную информацию об ее объектах. Кроме того, если до 2011 г. степень общественной опасности как критерий оценки дифференциации преступлений по категориям был рассчитан исключительно на законодателя, то введение в ст. 15 УК РФ ч. 6 сделало этот критерий прикладным, то есть используемым в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: опасное деяние, общественная опасность деяния, сущность общественной опасности деяния, преступление, степень и характер общественной опасности деяния, категории преступлений, классификация преступлений, критерии категоризации преступлений.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-4-708-714

Уровень совершенства любой классификации заключается в ее обоснованности, в выборе надежного и устойчивого критерия классификации, что позволяет объяснить не только полученные факты, но и делать обоснованные прогнозы еще неисследованных объектов. Едва ли можно усомниться в том практическом значении, какое имеют категории преступлений для уголовно-правовой охраны безопасности личности, общества и государства.

Анализ научной литературы показал, что предлагаемые авторами критерии классификации для выделения категорий преступлений не выявляют внутренних, сущностных закономерностей уголовно-правовой действительности, представляя лишь распределение объектов по внешним (формальным) признакам. Так, Т.Ю. Орешкина считает, что формы вины и сроки лишения свободы конкретных санкций являются теми критериями, с помощью которых производится дифференциация преступлений [1].

По ее мнению, характер общественной опасности, основывающийся на объекте преступления, не имеет универсального значения, а значит, не может выступать и критерием категоризации преступлений, например, в случае различных по степени общественной опасности убийств, посягающих на один и тот же объект – жизнь другого человека, однако, относящихся к разным категориям преступлений [1]. Универсальным критерием для Т.Ю. Орешкиной являются пределы санкции статьи Особенной части УК РФ [1].

С этим можно было бы согласиться, если указанный автором критерий сам по себе, независимо от оценки каких-либо обстоятельств, мог бы быть использован при решении вопроса о том, к какой из четырех категорий следует отнести, например, вновь признаваемое деяние преступным. Но пределы санкции (так считает и сама Т.Ю. Орешкина) зависят от оценки и характера, и степени общественной опасности деяния. Она пишет: «Именно пределы санкции статьи Особенной части УК, которые выражают итоговое мнение законодателя о совокупной общественной опасности деяния, включая оценку и характера, и степени его общественной опасности, выступают в виде четкого критерия, позволяющего отнести умышленное преступление к одной из четырех категорий, а неосторожное преступление¹ – к одной из двух категорий [1].

¹ Во время написания Т.Ю. Орешкиной научной статьи ст. 15 УК РФ предусматривала две категории неосторожных преступлений.

А.М. Герасимов считает, что в научной и учебной литературе практически неоспоримым стало следующее утверждение: «Общественная опасность как сущностный признак преступления в значительной мере определяется ценностью общественного отношения, нарушаемого преступлением. Чем более ценно общественное отношение, тем более опасно посягательство на него» [2]. По его мнению, заслужив такое широкое признание, тем не менее, эта идея является очень зыбкой для объяснения, например, возможности назначения пожизненного лишения свободы за совершение тех преступлений, где объектом посягательства является менее ценное благо, чем жизнь человека, в частности, за преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 131 УК РФ [2].

Обоснование А.М. Герасимовым суждения преступлением, предусмотренным ч. 5 ст. 131 УК РФ, скорее является исключением, подтверждающим вышеуказанное правило: та или иная категория преступления зависит как от характера, так и от степени общественной опасности деяния, устанавливаемая в случае, предусмотренном ч. 5 ст. 131 УК РФ не столько содержанием объекта этого преступления (хотя и это, разумеется, имеет существенное, причем первоочередное значение), сколько одной из форм множественности – (рецидивом) преступления.

Объяснение правильности выбранного законодателем критерия классификации для категоризации преступлений видится нам в понимании сущности общественной опасности деяния.

Наука уголовного права выработала достаточное количество взглядов на сущность феномена «общественная опасность». Однако, как верно замечено Н.А. Лопашенко и другими авторами, она все еще является той уголовно-правовой категорией, вокруг которой ведутся ожесточенные споры, с расхождением мнений, начиная с ее принятия и ее неоспоримых преимуществ, заканчивая недоверием и упреками, с пожеланиями ее забыть [3]. Не имея законодательного определения, феномен «общественная опасность» имеет легальное признание ее существования и ее уголовно-правовое значение. Свое место и функции эта категория непосредственно находит в положениях ст. 5, 6, 14, 15, 25, 26, 28, 34, 37, 60 УК РФ.

Не разбирая подробно различные точки зрения о сущности явления «общественная опасность» (этот анализ в научной литературе неоднократно проводился) [2; 3; 4; 5], считаем целесообразным начать с подхода, не так часто используемого в качестве отправного начала для его исследования. Думаем, правильного и с методологической точки зрения, поскольку толкование чего-либо нужно начинать с разбора языковой формы выражения понятия. Непонятно почему, – отмечают Н.А. Лопашенко и ее соавторы, – поиск сути общественной опасности, в основании которой находятся два совершенно ясных термина, практически никем не проводится. Между тем, считают они, пренебрегать этим нельзя, поскольку, когда только решали о том, как ее назвать, безусловно, отталкивались от значения тех слов, которыми можно ее обозначить, стараясь уловить в них существенную, основную черту [3]. С опорой на лингвистическое значение терминов «опасность» и «общественная» позволило названным авторам прийти к следующему выводу: «...преступление как теоретическая или законодательная конструкция содержит признак общественной опасности, поскольку деяние в нем связывается с возможностью причинения вреда обществу» [3]. С.А. Маркунцев отмечает, что «...лингвистический анализ термина «опасность» исключает из ее содержания реальность факта причинения вреда, подчеркивая потенциальность, возможность причинения вреда общественным отношениям...» [6]. Значительно раньше В.Н. Кудрявцев указывал: если вред наступил, то правильнее говорить не об опасности совершенного деяния, а о его общественной вредности, о тяжести преступления [7].

Однако, если понятие «опасность» не является компонентом строго научного языка и довольно часто используется в научных разработках в соответствие его общеупотребительному смыслу, то для выявления смысла понятий «общественная», «общество», полагаем, одного лингвистического подхода недостаточно. Именно поэтому Н.А. Лопашенко и ее соавторы задаются вопросом о пределах понимания термина «общество». Каков его объем и масштаб? Ради чего оно возникло и существует? Имеется ли общественная опасность в случае, если одно лицо совершает у другого лица кражу его имущества? Кому причиняется вред в этой и во множестве других ситуаций – конкретному лицу или обществу? Они отмечают, что названные сомнения влекут вечные вопросы, например, на каком основании государство возложило на себя роль арбитра в оценивании поведения человека, если ему этого права никто не давал? В чем заключается частный интерес и интерес общественный? Почему потерпевший лишен права самостоятельно принимать решение о том, когда и каким образом ответить на посягательство, коснувшееся его интересов? Наконец, почему он не включен в механизм уголовно-правового регулирования? [3].

Недостаточность лингвистического подхода выражается также в том, что он не позволяет сказать прямо, является ли общественная опасность признаком любых правонарушений или только признаком преступления. Использование лингвистического приема для решения этого вопроса позволяет лишь волевым решением авторов занять ими ту или иную позицию. Так, Н.А. Лопашенко и ее соавторы пишут: «...когда позиции, разные по своему содержанию, невозможно примирить, поскольку все они имеют веские основания для доказательства своей правоты, следует договариваться, чтобы идти дальше...» [3]. Поэтому они присоединяются, как указывается ими: «... к преобладающей научной позиции, согласно которой общественная опасность является социальным свойством исключительно уголовно-противоправных деяний...; все иные правонарушения вредны для интересов общества теми последствиями, которые они за собой влекут» [3]. В цитируемой работе этих авторов, выше указывалось, что: «...общественная опасность деяния в ее объективном значении как свойство причинения вреда или способности его причинить не позволяет провести разницу между различными видами юридической ответственности, безусловно, необходимыми для государственной реакции на вредоносное деяние» [3]. Однако, окончательный их вывод такой – только общественная опасность позволяет выделить среди иных правонарушений преступления и уголовные проступки, показывает их качественно иную отличительную черту, придавая тем самым индивидуальность и отраслевую самостоятельность уголовному праву. Насчет всех иных («неуголовных»), не обладающих общественной опасностью, но вредных для общества правонарушений, то их деление происходит не с помощью характера и (или) степени общественной вредности, а с помощью характера общественных отношений, определяющих их социальную и правовую особенность как явлений различного рода [3]. Следуя этой логике, получается, что количество уголовно-правовых запретов должно было бы сократиться в разы. Л.М. Прокументов считает разделение явлений «общественная опасность» и «общественная вредность» неправомерным, поскольку это однотипные явления [4].

Доводом для обоснования того, что общественная опасность – это исключительное свойство преступления, обычно является указание на отсутствие этого признака в законодательном определении, в частности, административного правонарушения, где «...нет ни слова об общественной опасности...» [3]. Но в законодательном определении административного правонарушения нет ни слова и о его вредности, что вовсе не говорит о его безвредном, следовательно, не опасном характере для общества. Подтверждением этого утверждения являются положения ст. 2.2. и ст. 2.7. КоАП РФ. Кроме того, интересно, как характер общественных отношений позволит, например, разграничить административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, от преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, если при совершении идентичных действий, в обоих случаях объектом посягательства является здоровье населения? Этим критерием является не качественный, а количественный показатель. Это значительный размер. Однако, даже если согласиться с тем, что единственным критерием отграничения преступления и всех иных правонарушений является характер общественных отношений, то как понять, что характер того или иного общественного отношения является (или должен являться) именно объектом уголовно-правового запрета. Разумеется, некоторые преступления позволяют это сделать (убийство, изнасилование, похищение человека, террористический акт и др.), но не все. В УК РФ есть большое количество (причем большее число) иных преступлений, находящихся в пограничном состоянии, соприкасающихся с иными видами правонарушений, имеющими один и тот же объект противоправного посягательства, *социальная сущность которого остается неизменной, несмотря на его охрану нормами различной отраслевой принадлежности.*

А.М. Герасимов, являющийся сторонником признания общественной опасности только признаком преступления, считает по-другому. Он пишет: «Общественная опасность преступления определяется не столько ценностью объекта посягательства, сколько совокупностью всех объективных и субъективных признаков деяния, оказывающих на него негативное воздействие» [2]. Из этой мысли не совсем понятно, как объект посягательства, являясь объективным признаком, следовательно, входящим в названную цитируемым автором совокупность, может оказывать негативное воздействие на самого себя? Негативное воздействие на объект охраны оказывает не совокупность объективных и субъективных признаков, а деяние, характеризующееся совокупностью названных признаков.

Однако, далее. Свое утверждение А.М. Герасимов сопровождает сопоставлением преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ (убийство) и ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), обладающих единым (одинаковым) объектом охраны, но являющихся разными по категориям преступлениями. Этот пример им приводится для доказательства того, что общественная опасность того или

иного деяния имеет разную сумму вреда, причиняемого объекту уголовно-правового запрета [2]. А.М. Герасимов считает, что «совокупный вред преступного посягательства достигает таких масштабов, что возникает угроза материальному порядку» [2]. По его мнению, административное правонарушение интересов общества не затрагивает и потому не носит социально опасного характера [2]. Он пишет: «Что касается «суммы вреда» личности, обществу и государству от административного правонарушения, то она качественно отличается от совокупного вреда, свидетельствующего об общественной опасности содеянного. Он убежден, что по существу, вредоносность административно правового деликта ограничивается формальным нарушением нормы или правила поведения в сложившейся ситуации» [2]. Получается, что у А.М. Герасимова объектом административного правонарушения является сама норма административного законодательства. Но подобная трактовка вступает в прямое противоречие с нормой ст. 1.2 КоАП РФ, согласно которой задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений. Отсюда следует, что законодатель при определении объектов административно-правовой охраны кладет в основу не норму, а интересы личности, общества и государства, охране которых норма административного законодательства служит. Более того, сопоставление задач административного и уголовного законодательства в части объектов правовой охраны свидетельствует об их совпадении. И вообще, если деяние не представляет опасности для общества, то можно ли его признать правонарушением?

Для ответов на этот и выше поставленные вопросы считаем эффективным подход, использованный Д.В. Мирошниченко, рассматривающего «общественную опасность» как весьма продуктивную, легитимирующую уголовно-правовой запрет категорию, обозначающую границы «законодательного произвола» (то есть, формального определения преступления) и естественную необходимость в уголовно-правовом запрете [6]. Опираясь на идеи представителей концепции общественного договора, он пишет: «...установленные властью законы имеют цель удовлетворить все необходимые и естественные потребности общества и, в первую очередь, в обеспечении собственной безопасности, а потому эти законы также соответствуют естественным законам природы и социума». Уголовное право, являясь частью позитивного права, также соответствует естественному закону защиты общества. Поэтому каждое преступление – это деяние, причиняющее общественный вред вследствие нарушения общественного договора и разрыва преступником социальных («договорных») отношений. ...Использование понятия «общественный вред» требовалось для того, чтобы обосновать необходимость применения к преступнику, объявлявшегося врагом общества, наказания [8].

Поддерживая Д.В. Мирошниченко в части использования концепции общественного договора как методологического приема отметим, что эта концепция имеет в современной политической философии инструментальное значение, объясняя легитимность различных нормативных доктрин, причем не только в политологии, но и в макросоциологии, этике, юриспруденции. Б.О. Соколов отмечает, что «теория общественного договора является наиболее эффективным средством легитимации нормативных политических проектов и в этом отношении она выходит за пределы широкого спектра концепций, основанных на допущении о существовании неких метафизических оснований нравственности, морали и/или политического порядка (т. е. различных вариантов морального реализма)» [9].

Главная идея названной теории заключается в том, что источником легитимности политических институтов является согласие управляемых. В современной политической практике теория общественного договора занимает прочную позицию, а основополагающая ее идея является господствующей для политического строя современных демократических государств. Справедлива точка зрения Т.Г. Понятовской, согласно которой общие признаки понятия политической концепции заключаются, прежде всего, в системе взглядов на государство, в основной идее его происхождения [10].

Обращение к тексту Конституции России позволяет увидеть основную идею происхождения государства. «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыбле-

мость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации». Таким образом, народ, принявший Конституцию, легитимировал современное Российское государство, придал ему соответствующую политико-юридическую форму [11].

В этом контексте нельзя согласиться с предположением Н.А. Лопашенко и ее соавторов, что феномен «общество» может иметь собственный уголовно-правовой смысл. Они пишут: «Нужно, видимо, признать, что в уголовно-правовом смысле общество понимается так широко, как только возможно: и как объединение по каким-либо интересам, и как механическое объединение населения в любом масштабе; и как совокупность бесконечного множества людей; и как объединение двух человек, для совсем не общественных целей, – по любви, например» [3].

В контексте теории общественного договора феномен «общество» представляет собой внеиндивидуальную и надиндивидуальную реальность, не сводимую к другим ее видам, включенную в универсальный природный порядок. Общество – это целостное образование людей, особый субъект, развивающийся по своим, только ему свойственным законам, в котором приходится жить людям и в которое включаются все другие (объединения) группы. «Государство – это качественно иная социальная организация всех сфер общественной жизни, а не только кратосферы (сферы власти). Носителем этих новых качеств, их постоянным генератором является общество в целом, образующий его народ – взаимодействующие индивиды и их объединения. Без них государства нет и быть не может» [12].

Следовательно, *сущность категории «общественная опасность» заключается в определении обоснованности (легитимности) формального закрепления правового запрета (уголовно-правового запрета).*

При таком подходе вопрос о том, обладают ли общественной опасностью все правонарушения, разрешается сам собой. Все правонарушения общественно опасны. В.А. Казакова отмечает: «Суть современной превалирующей точки зрения сводится к тому, что вне зависимости от того, какой нормой права урегулировано деликтное правоотношение, как раз сам деликт несет в себе общественную опасность, различаемую лишь по характеру и степени общественной опасности» [13].

При занятой нами позиции спорной является устоявшаяся в уголовно-правовой науке точка зрения А.И. Коробеева о том, что основаниями уголовно-правового запрета являются юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические группы факторов [14]. Этим ученым в группе юридико-криминологических факторов, среди прочих факторов, называется степень общественной опасности деяния [14]. Но можно ли степень общественной опасности деяния относить к числу факторов, учитывая то, что (и с этим мы согласны), как пишет сам А.И. Коробеев: «лишь определенная степень общественной опасности как объективное мирило, может служить критерием отнесения деяния к тому или иному виду правонарушений?» [14]. Думаем, что вряд ли. А.М. Герасимов справедливо считает, что категория общественной опасности не может находиться в одном ряду вместе с событиями и процессами общественной жизни, обуславливающими законодательное решение одного или другого деяния видом преступления [2]. В продолжение этой мысли отметим, что факторы сами по себе, непосредственно, не создают угрозы и не наносят вреда, лишь выступают показателями степени опасности деяния. Использование категории «степень» не предполагает множества оснований. Основание всегда одно, меняться могут лишь степень и ее показатели.

Также требует уточнения распространенная позиция, причем не только у криминалистов советского периода, но и у современных исследователей, согласно которой «... единственным основанием криминализации поведенческого акта выступает его объективно существующая реализованная или потенциальная общественная опасность» [15].

Полагаем, что признание деяния общественно опасным, как результата криминализации, требует вначале признание деяния опасным. Это вытекает из сформулированной нами выше сущности общественной опасности, а также положений ч. 2 ст. 2 УК РФ, где сказано, что УК РФ определяет, какие *опасные* для личности, общества или государства *деяния признаются преступлениями*, то есть общественно опасными, противоправными, виновными и наказуемыми. Опасное деяние – это объективно существующее явление. Оно имеет различное содержание (политическое, экономическое, социальное, психологическое, духовное и т. д.) и представляет прямую или опосредованную угрозу причинения вреда личности, обществу и государству. Такой подход позволяет показать объективную реальность современных условий и следующих из них запросов личности, общества, государства. Поэтому, если изменяется перечень уголовно-правовых запретов, то в идеальном виде это указывает

на социальные преобразования (перемены), а не обязательно на собственные желания законодателя [16]. Происходит переоценка социальной значимости изменяющихся общественных отношений [4]. Опасность деяния и общественная опасность правонарушения (преступления) – структурно однородные явления. Главное их различие заключается (может заключаться) в содержании предметной основы и (или) в степени несоответствия общественным интересам [16]. Предметная основа и степень противоречия общественным интересам, именуемые в праве терминами «характер» и «степень» общественной опасности, используются для разграничения видов правонарушений между собой и для дифференциации общественно опасных деяний внутри каждого вида правонарушения.

Таким образом, именно характер и степень общественной опасности являются теми критериями категоризации преступлений, которые способны показать внутренние, сущностные закономерности уголовно-правовой действительности, представить в удобном для обозрения и распознавания виде всю эту область, заключая в себе предельно полную информацию о ее объектах.

Более того, если до 2011 г. степень общественной опасности критерий оценки дифференциации преступлений по категориям был рассчитан исключительно на законодателя, то введение в ст. 15 УК РФ ч. 6 сделало этот критерий прикладным, то есть используемым и в правоприменительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орешкина Т.Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета имен О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. 12. С. 43–51.
2. Герасимов А.М. Теория уголовного правонарушения: монография. М.: Юрлит-информ, 2022. 318 с.
3. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. С. 124–140.
4. Прозументов Л.М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–24.
5. Чемеринский К.В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 99–104
6. Маркунцев С.А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 550 с.
7. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 244 с.
8. Мирошниченко Д.В. Общественная опасность преступления как фикция // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 3 (58). С. 40–49.
9. Соколов Б.О. Концепция общественного договора в современной политической теории: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014. 165 с.
10. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск. 1996. 231 с.
11. Решетникова Г.А. Понятие «национальные интересы» в контексте национальной безопасности российской Федерации // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2020. Т. 30, вып. 3. С. 438–443.
12. Иванов Р.Л. Соотношение государства и общества (проблема субстрата государства) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2(43). С. 6–13.
13. Казакова В.А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4). № 4. С. 435–441.
14. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Монография: Издательство Дальневосточного университета, 1987. 267 с.
15. Авдальян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. М. 2015. 178 с.
16. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
17. Чемеринский К.В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 99–104.

Поступила в редакцию 18.05.2023

Решетникова Гульнара Аликовна, кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru

*G.A. Reshetnikova***DEFINING THE ESSENCE OF THE PUBLIC DANGER OF AN ACT**

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-4-708-714

In the Criminal Code of the Russian Federation in 1996, for the first time, a classification of crimes into their categories appeared. It can be said without exaggeration that hardly any other concept of criminal law has such a scale of practical significance that the categories of crimes have. From a theoretical point of view, the categorization of crimes provided for in Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, was some final result, the result of the entire previous development of criminal law, showing a general picture of the state of the science of criminal law in general and its parts. Today, among modern researchers, critical remarks are increasingly being expressed regarding the criteria used by the legislator for the named classification. In this scientific article, an attempt was made to understand the correctness of this choice using the essence of the category "public danger of an act". To study the essence of the category "public danger of an act", the instrumental possibilities of the social contract theory were used. Proceeding from the fact that the completeness and impeccability of any classification depends on the correctly chosen classification criterion, the conducted research allowed us to come to the following conclusion: the nature and degree of public danger of an act are those criteria that are able to show the internal, essential patterns of criminal law reality, to present the whole area in a way convenient for viewing and recognizing, containing the most complete information about its objects. In addition, if before 2011 the degree of public danger, as a criterion for assessing the differentiation of crimes by categories, was designed exclusively for the legislator, then the introduction to Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, part 6, made this criterion applied, that is, used in law enforcement.

Keywords: dangerous act, danger of an act, public danger of an act, essence of the public danger of an act, crime, degree and nature of the public danger of an act, categories of crimes, classification of crimes, criteria for categorizing crimes.

Received 18.05.2023

Reshetnikova G.A., Candidate of Law, Associate Professor at Department of Criminal Law and Criminology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru